

«Узкий путь» Екатерины Дубро

65 лет назад, летом 1951 года на улице Береговая (ныне улица имени Исайченко В. Н., Героя СССР), в дом № 164 вселилась молодая семья работника цеха № 31 машиностроительного завода Дубро Владимира Петровича: его жена и их маленькая дочка — Катюша, которых он перевёз из деревни Бороковка Тяжинского района.

Тогда никто из родителей Кати не мог предположить, что имя их дочурки уже через одиннадцать лет станет известно не только юргинцам, кузбассовцам, но и всей огромной стране. И заявила 15-летняя Катя о себе как поэт своими стихами, один из которых — «Две дороги» — явился программным для неё на всю дальнейшую жизнь. Однако юная Катя не только продолжает писать стихи, но начинает пробовать себя и в прозе. Ей хочется писать рассказы, повести о жизни — о жизни простых людей, ярким представителем которых была и их семья, семьи её подруг и друзей. Первый её рассказ «Серебряные колокольчики» о жизни был опубликован в альманахе «Огни Кузбасса» в 1971 году.

А через два года был издан первый сборник рассказов с романтическим названием «Вернусь звездопадом». И она ведь действительно уже через 12 лет вернулась — вернулась звездопадом изданных книг повестей, рассказов, сказок: их к середине 1985 года уже было издано четыре, пятая пребывала в издательстве, издана в октябре того же

года и посвящалась она маме — Веронике Евсеевне.

Июнь 1985 года оказался для неё веховым: она была принята в Союз писателей СССР и стала первым и единственным писателем великой страны в нашем городе.

Это признание не вскружило голову 37-летней писательнице. Наоборот, несмотря на семейное горе — смерть мамы, усилило её внимание к писательству. Её стали интересоваться и другие жизненные вопросы, среди которых особое место заняли такие, как смысл жизни не только человека, но и всеобщий.

Литературное наследие начала 90-х годов минувшего века содержит несколько повестей, в которых она излагает смысл жизни человека и всеобщий уже с философских позиций, одной из которых является повесть «Узкий путь», она готовится мною к изданию.

Вашему вниманию, уважаемые читатели и почитатели литературного творчества Екатерины Дубро, предлагается первая глава из будущей книги. И прошу, если не затруднительно, дать ваши отзывы — любые, как вы воспринимаете новую творческую работу Екатерины Владимировны. Замечу, что ваши отзывы могли бы войти в будущую книгу.

С уважением, Майя ТУРАЛИНА.

«Узкий путь» (Повесть. 1-я глава)

Поезд ушёл. Я — отстала, не успев вернуться, — бежала за ним по шпалам. Не догнала. И проснулась.

Картинка о жизни, один к одному: отстала безнадежно. Ушёл мой поезд. Мой ли?!

Ну, а днём третьим, после предвещившей событие бессоницы, я сошла с рельсов. Поезд ушёл, да я-то пока ещё не ушла. В конце здешнего путешествия, но всё ещё здесь. И со своим транспортом мне самой определяться. Как и всем.

И вообще: мой ли поезд ушёл, если сама я вот тут, дома... Телесно и психически. Всё утро и полдня занимаюсь кухней и уборкой.

Всякий человек в своём лице явлен в жизнь в нескольких ипостасях, ролях. Я на сей закятный день, весьма скорбный, — пенсионерка, инвалид 1-й группы, сугубо крватская, одинокая, плюс с писательским прошлым и в застое нынешнем.

В стране рухнувших идеалов и никакого государственного строя, катастрофичной экономики, массового обнищания народа, бесправия, беззастенчивости и, Боже, чего только ещё.

Так что я сейчас не только в личной разведке, как улыбочиво определялась прежде, и не только в конце своего здешнего путешествия, но в общих рядах на переходном этапе — конца советской идеи, конца второго тысячелетия со дня Христова рождения. Когда само выживание на нашей шестой части суши становится жизнью не только для таких, как я, но и миллионов других.

Для человека двоягательно ограниченного, тем паче затворника, значительно всё, с ним происходящее.

Занимаясь утренними делами по самообслуживанию, не сразу удовлетворила своё любопытство по смысловой проверке вдавливны на правой руке.

Итак, интересуюсь. Но прежде прикинула, какие бы сейчас свой-

ства энергетики выбрала — по недостатке.

Потом своё имя рунным алфавитом начертала. Потом разобралась, как побуквенно перевести его смыслы.

И выяснилось: мои основные энергетические потребности именем не все обеспечиваются! То-то нуждаюсь, правда, потребный мне Дагас входит в мою фамилию, а Эвас в имя, и даже дважды, стало быть, ослабленные.

Есть смысл в этом, нет ли, но даже прикидочно этак поразмыслить полезно.

Перво-наперво чертить бы мне руку Перт — «спрятанное»: в помощь преодолению прошлого. (Например, от тоски по утраченному, во множестве, исписанным записным книжкам, блокнотам, другим важным бумагам моей жизни в слове и мысли.)

Услышала по телевидению восточную притчу. В подземелье заточили поэта, художника и палача. Любопытства ради: кто же останется в живых? Потому что воздуха там только на одного человека. Выжил палач, естественно.

Я палача в себе так вот социально чётко, не определяла, но его присутствие чувствую, безусловно. Именовала по-разному, проявляется он тоже по-разному, под масками.

О чём подумалось. А ведь палач, оставшийся в темнице, уже не палач, уже другой человек. То есть в ином своём качестве. Значит, темница уже не темница, а стены каменные не плен. Лишь собственные потёмки — плен. Для человека-то.

Трагическое изначально — желание понять уму непостижимое и себя осознать в полноте, свою тайну.

Но жила и живу тесным доверием к жизни, с любовью и благодарностью. Своим крестом не тяготилась, иной судьбы не желала. Упущенным возможно-

стям и бедам своим сама виной, а в миг переходный, покидая нынешнее тело, лишь одного хочу — оставаться в ясном сознании, что бы страшное ни происходило со мной. Авось сумею прорваться сквозь тёмные заслоны, если таковые есть. И пожизненное терпение да не покинет меня, всегдешнее доверие к жизни, готовность к любым испытаниям по её Законам.

Живу и гляжусь в каждого встреченного человека, в каждое живое существо и сотворённые кем-то миры — книги, картины, фильмы, музыку. И всё это — путь к себе. От знакомств внешних, со взглядом во вне — ко внутреннему зрению! От конечного к бесконечному. Из того, откуда уйду, в то, куда уйду — где мой подлинный Дом.

Где бы и в каком виде внешнем, и когда не пребывала. Что понятно уму и чувствам и что в основе моего генетического покоя.

Смерть — дело пожизненное. И жизнь — дело посмертное. Не потому, что «всё там будем», а потому что там будем — сообразно личным усилиям и устремлениям здесь, в физической оболочке.

Мои сейчасные усилия мучительны: всегдешнее чувство опоздания усилилось явным угасанием физическим.

Кто бы объяснил! Не думала раньше, что передо мною встанет такая грандиозная забота! Что вообразу в свой последний миг? Совсем не своё, может стать. Даже в ленте былых впечатлений высверкнуться могут давно потускнелые, и что забыто, или изжито, или более всего желаемо изжить. Ну, и оставаться с этим невесть как надолго в астрале?!

На отдыхе, даруемом душе после каждого воплощения, она окружена образами своих любимых. А если уж нет земных привязанностей? Или они в прошлом? Какое отдохновение себе готовить? Хорошо, если просто сон.

А если такая же тяготица, что в сновидениях последних лет? Ни уму, ни сердцу. С резкими прорывами в былое разнообразие образов, эмоций, поступков. Явная деградация. А чем вызвана? А как улучшить своё тяготение ещё здесь? Вообще: какие мои потенциальности — образующие?

Ничуть не в угнетение чувства собственной воли в соиздании собственной Судьбы, в сотрудничестве с нею.

Неожиданно раскрылось для меня понятие прощения. Казалось бы: людям надо прощать друг друга.

Правда у меня всякий раз возникало уточнение: вопрос снимается при отсутствии, изначально, обвинения. Не обвиняй никого, и прощать не потребуется. Мне — человеку. Силы же высшие воздают по Закону. По которому мне простится нечто, когда распрощаюсь с чем-то в себе — развяжусь, расплачусь.

Простить — проститься: такая вдруг вязка. Не забыть ли тоже?

Тогда снят ли сей вопрос для меня?

Не отвечаю злом на зло, не обижаюсь, ненависти не испытываю, худа не желаю никому. Любые поучения воспринимаю в урок, в себе доискиваю причин. Но ведь — не забываю. Значит, и не прощаюсь и не прощаю? Значит, не развязываюсь — потащу за собою прежнюю ветошь?

Вот почему надо прощать! Чтобы не волочилось за нами прошлое, не отяжелело в дальнейшей движении, не повисало на крыльях наших!

Но возможно ли забыть? Хочу, да не получается. За бытием — возможно, а здесь?!

Тоже вопрос. К основным — о любви (пожизненно) и о жалости.

Для себя и для других. Строго говоря, одно и то же, различение условное, оттеночное: взаимосвязь и взаимозависимость всего и всех. В общем пространстве жизни.